

ЖИЗНЬ
СМЕРТЬ
И
БАЛЛОНЫ
КРАСКИ

Вероника Самогалева

Вероника Самогаева

**Жизнь, смерть. И
баллончик краски**

«Автор»

2024

Самогаева В. В.

Жизнь, смерть. И баллончик краски / В. В. Самогаева —
«Автор», 2024

Месяц. Тридцать один день. Как же это мало, если посмотреть на него с высоты года, пяти лет, десяти. И как же много, если за это время заново учишься жить. Подростку шестнадцать, мужчине - сорок. Один стоит на краю гибели, так и не узнав жизни, а другому она стала невыносима. И только одно в мире, пропитанном человеческой болью, незыблемо: любовь родителя и ребенка. Хотя ребенок не твой, а ты - не родитель. Уже. Эта книга о том, что любая боль утихает, о том, что все проблемы, помимо твоего полета с высоты крыши пятиэтажки - решаемы. И о баллончике краски. На что он способен, если попадет в руки тому, "кому надо"

© Самогаева В. В., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Вероника Самогаева

Жизнь, смерть. И баллончик краски

Глава 1

В небе едва брезжит рассвет. Утро серое и бессолнечное – одно из тех, которые наступают позже положенного, не сулит жителям Новоалтайска встать с первым будильником. Только жаворонки – то ли сверхлюди, то ли поехавшие – кутаются в одеяла, потягивают кофе из кружек и, глядя на улицу из окон, прищелкивают языком: «Ну и дубак...» Из туч, набухших от влаги и грозно нависших над крышами пятиэтажек, на битый асфальт не упало ни капли. Будто бы дождевые облака сами ждут лучшего момента, чтобы низвергнуться ливнем на головы понурых прохожих. Зато октябрьский ветер отнюдь не такой коварный и внезапно не атакует – всю ночь завывал в приоткрытых пластиковых окнах жилых домов и оконных проемах заброшек. Бросая клочья пыли и горсти прелой листвы в лица редких прохожим, воздушный вихрь свистит в их ушах, заглушая любые иные звуки. Впрочем, едва ли в шесть часов утра субботы продуваемая вдоль и поперек ледяным ветром улица так уж кишит людьми. Жаворонкам в их одеялах и с их кофе в руках, сонно всматривающимся в мусор и листья, что трепет по асфальту ветер, сочувственно вздохнуть не по кому. Улицы пустуют. Помимо одной. Той, что ближе к окраине. Из окон, выходящих на Октябрьскую, все как один проснувшиеся – а может, он лишь один, а может, и ни одного, кто б знал – смотрят на сгорбленную фигуру мужчины в сером, что медленно плетется мимо, куда-то в сторону отшиба. И все они не могут решить для себя, что же о нем думают. «Идет, паскуда. Последние шмотки пропил». «Господи, куда ж его понесло-то? Он хоть сам идет или ветер волочет?» «Бедняга. Обросший, тощий. Куда ж ты такой, как же... это ж...» Но в одном все зрители схожи: фигура за окном пробуждала заспанную голову куда лучше их крепкого кофе. Было жаль только, что наблюдателей от мужчины отделяли стены и этажи. А вдвойне печалила простая истина: отделяй их два шага от человека в сером, никто из них этих двух шагов бы не сделал.

А вот и она, пятиэтажка! Одна из немногих хрущевок Новоалтайска, в которой местные власти так и не удосужились установить домофон. Деревянная, громко скрипящая от любого прикосновения дверь была всегда приглашающе открыта каждому заплутавшему человеку, коту, потрепанному злыми мальчишками, а во времена холодов – любому, сильному и не слишком, порыву ветра. Сегодня же гостем унылого подъезда, стал этот человек в сером пальто.

Едва ли его волновал затхлый запах этой умирающей развалины. Едва ли его хоть что-то смогло бы взволновать, а потому облезшие стены и погнутые перила он не окинул взглядом.

Тихо. Как бывает в палатах психбольницы, даже ветер там свистит один-в-один, пусть и за окнами. Вот куда нужно мужчину в сером, да на месяцок, другой. Так или иначе, все его коллеги разделяют это мнение. Где еще может находиться бедняга, который молча пилился в пустоту, стоя среди гробов в похоронном агентстве, мямлил черт пойми что, а потом вдруг встрепенулся и обсыпал всех, кто был рядом, своими «почему?»

Почему я не заставил их пристегнуться?

Почему я не повернул руль?

Почему они? Почему именно они?

«Конечно, он в лечебнице, где ж ему еще быть то» — думают они, — Сидит себе под одеялом, таблеточки принимает! Ещё немного – и вернется в строй»

Только вот не в лечебнице он. Потому что...

Кто пойдет лечить убийцу? Где достать силы, чтобы шевелить руками и ногами, отвратительно медлительными? Никто не пойдет, никогда и ни за что.

К кому угодно мужчина мог быть милосердным. Но не к человеку, в секунду сломавшему его жизнь пополам. И потому, исхудавший и истерзанный, он, цепляясь за обшарпанные перила, медленно идет наверх. С каждой преодолённой ступенью до конца не вылеченная голень воет все громче, но вспышки боли им не замечены – очередная пачка обезболивающего, проглоченная без стакана воды, еще заглушает вопль.

Но против полутора месяцев жизни на таблетках и алкоголе бессилён любой обезбол, что и вынуждает «пьяную морду, всю совесть пропил, тьфу» прислониться к стене напротив лестницы, ведущей к чердачному люку, закрыть лицо руками, не видеть и не слышать женщину, что внезапно вынырнула из-за двери в квартиру...

«Минута, еще минута...» — думает он, пряча голову между коленями.

— Развелось отщепенцев! — орут откуда-то сверху.

Как гудит его голова. В нее будто вкручивают шуруп.

— А мне кормить, на мои бабки, мои налоги! А самой че жрать?!

«Оленька, Светочка...»

— Суки вы бродячие! Что б вы подошли все! — резануло по ушам напоследок, после чего женщина двинулась вниз. Обшарпанные стены поглотили ругательство, возродив тишину для человека, который не может заплакать. Ветер гуляет по крыше, трепещет хлипкий деревянный люк, не раз выломанный и не раз восстановленный.

А человек в пальто и с выцветшими глазами уже не здесь. Он сидит возле коек, поглощенный и сжираемый тишиной, пропитанный запахом не затхлого подъезда, а санитарии, видит лица с потемневшими веснушками, видит кровь там, где ее нет и быть не может. Кровь на одежде, кровь на ладонях, пальцах, кровь, кровь, кровь...

— Ну что, милый, на море то махнем будущим летом? — улыбается Оля, ловко переворачивая блины на сковородке, а взгляд стекленеет и по щеке бежит багровая капля...

— Папа! Там белочки, на ветках! — смеется Света, а белый сарафанчик все больше краснеет.

В районе шеи. Как раз там, где она сломалась.

Он стискивает зубы, опрокинув голову назад. Ему удастся сдержать вопль. В этот раз.

Тогда они не были мертвы, когда жарили блины, гуляли, смеялись. Но эта кровь на локонах и косичках, эта вездесущая кровь... Она повсюду, всегда, в любом образе, всегда с ним, всегда на них.

Он получил, что должен был. Он целиком и полностью заслужил наблюдать подобное.

Но с него хватит, хватит!

— Прекрати!

Побелевший кулак с силой ударяется о пол, на котором сидит мужчина, но отрезвляет его не боль, а собственный крик, который, все же, вырвался наружу. Истощенное сердце учащенно бьется, дыхание прерывается, как дыхание едва не утонувшего, когда он, не найдя в себе силы даже на гримасу боли, открывает глаза...

И видит их.

Два милых образа, ради которых он без раздумий бы отдал жизнь — возле лестницы, ведущей к люку. Оля стоит привычно для себя, чуть отставив назад левую ногу, Света сложила руки за спиной и улыбается, прищурившись. На Оле длинное платье, на Свете сарафанчик — тот самый, белый.

Смеющаяся улыбка любимой; сияющая, как солнце, улыбка дочери. И ни капли крови, ни капельки!

Карие глаза с хитрым прищуром и широко распахнутые голубые глазки смотрят так ласково и взгляд не стекленеет! Его самые близкие люди стоят прямо напротив, невредимые.

Разве он достоин? Чем он заслужил...

– Вы? – хрип, вырвавшийся из уже целую вечность сомкнутых губ, немедленно поглощает тишина. Никогда он так не боялся говорить, как теперь, когда любой звук может спугнуть наваждение.

Жена и дочь кивают, улыбки, такие теплые, не сходят с лиц...

И у человека, что не мог заплакать, в глазах все расплывается.

— Простите... – шепчет он, едва шевельнуv губами.

Оля делает шаг назад, увлекая за собой Светочку, которую держит за руку. И их возможное исчезновение кажется ему куда хуже любого из пережитых за пару месяцев кошмаров под дурманом коньяка в купе с обезболивающим.

Он, стиснув зубы, встает на ноги, не успев, впрочем, сделать ни шагу, прежде чем Оля и Света оказываются на верху лестницы, ведущей к чердачному люку. Никто на всем белом свете не смог бы объяснить, как такое возможно, и в последнюю очередь – мужчина в сером пальто. Но главное он замечает. Едва уловимый взмах руки с обручальным кольцом на пальце, взгляды голубых и карих глаз, отражающие ожидание, улыбки, не только ласковые, но и приободряющие...

Он видит смысл, вложенный в эти жесты, он слышит, о чем говорят его иссохшему от боли сердцу взгляды, но не может поверить, не смеет поверить. Неужели правда, неужели, боже...

Они просят пойти следом!

Человек в сером едва шепчет. Голос отказывается звучать.

— Сейчас?

Сейчас? Когда он захотел сбежать от заслуженной кары, трусливо покончить со всем одним махом? Даже теперь?

Они кивают. Не «даже» теперь. *Атолько* теперь. Потому что его простили.

Быстро, насколько позволяет измученное тело, мужчина забирается к люку, ведущему на крышу, и рывком откидывает его как единственное препятствие. Замок, что значительно усложнил бы ему путь вверх, лежит у подножья лестницы, кем-то сорванный.

Движение, вопль покалеченной кисти руки – и мужчина наверху, опрокидываемый порывом ветра. Любой бы уже ринулся вниз, стуча зубами и запахивая полы пальто. Но не тот, у кого на все лицо растянулась улыбка. Такой не бывает у тех, кто по-настоящему счастлив.

Сил на бег, да что уж там – на быстрый шаг – нет, потому ему, замороженному, остается только брести, и он бредет.

Он бредет, подволакивая ногу, которую не вылечил до самого конца и лечить не собирается. Он бредет, наслаждаясь невероятным приливом эйфории, уже забывший о существовании этого слова. Он бредет, боясь, что они не дождутся его, калечного, и исчезнут.

— Не уходите. Не уходите. Не уходите! — звучат от него слова. Слова молитвы.

Десять метров. Семь. Пять... Еще пара шагов, пара шагов!

Мужчина спотыкается и падает. Ноги отказываются идти.

— Пожалуйста, — умоляет он, не отрывая взгляд от фантомов, — Только не уходите!

– A-a-a-a-a-a-a-a-a-a!!!

Внезапный, звучащий будто сразу отовсюду вопль обжигает мужчину, как пощечина. Неудачно двинувшись, он опирается на ногу, втягивает воздух сквозь зубы, отвлеченный яркой вспышкой боли.

И замирает, глядя вперед, позволяя ветру гулять в полах пальто. Помимо свиста в ушах от потоков воздуха – ни звука.

«Что это? Что это было?»

Ошарашенный, он потирает рукой заросшее лицо, растерянно осматривается. Крик – оглушающе громкий – звенит в ушах так, что не слышно ветра, но стих он так же, как и раздался – внезапно, заставив мужчину на пару мгновений выйти из оцепенения. Пока он вновь не

устремил взгляд вдаль. Осознание поглотило его с головой и оставило на лице гримасу ужаса. Он кидается вперед, озираясь. Из груди вырывается стон. Их нет. Ни жены, ни дочери.

– Где вы?!

Царапая ногтями металлический шифер, он уже не утаивает вопль за стиснутыми зубами и закушенными губами. Впервые за месяц... За дни и ночи, проведенные в аду, они оказались рядом. И снова

Мысли крутятся в голове, сменяют одна другую, и каждая призывает подняться, броситься вперед, отыскать и никогда, отныне, не терять. Вот только сил у человека, что стоит коленями на холодном металле, прижимает ладони к голове, а голову – к коленям – нет. Слишком тяжело, чтобы встать. Чтобы думать. Жить. И слишком тяжело, чтобы жизнь прервать. Он лежит на боку, сжавшись в комок, прячась от мира и воющего, вездесущего ветра, как дети прячутся от ужасов ночи под одеялом, уверенный: с него хватит. Собственный рассудок оказался глумливее всех кар, что готовила для него преисподняя. Мужчина привык видеть своих девочек в луже крови, истерзанных безжалостным металлом. Теперь же они стояли перед ним, счастливые. Стояли – и исчезли. Подтвердив, что счастливыми он их больше не увидит. Никакими не увидит, никогда.

«Почему сейчас не зима?» — вдруг думает он, растворяясь в серости пасмурного неба, — «Почему не идет снег...»

Ведь было бы так славно. Лежать, расслабив руки, перевернуться на спину – и ждать. Ждать, пока тело не начнет стынуть, а снежинки перестанут стекать каплями по лицу, замирая одна за другой на холодных щеках. Почему бы ветру не стихнуть, почему бы октябрьскому дождю не обратиться снегом, что посыпится из вон той, самой большой, тучи? Он лежит, слегка выпрямившись. Ветер и не думает стихать, нависшие над крышей грозовые тучи не разрождаются снегом, потому что не могут. Но кого это расстроит? Ничто не мешает человеку в сером, на сером железе крыши серого дома, ждать этого спасительного снега, как безнадежно больной ждет эвтаназии. Есть ему смысл уходить? Нет. А впринципе жить? Смешно... Потому опускает веки на потускневшие голубые глаза и замирает, растворяясь в свисте воздушных потоков. Уверенный, что больше не встанет. Снега ждать долго. Потому, возможно, первая снежинка, что приземлится на веко, не растает. Мужчина закрывает глаза, позволив железному шиферу медленно отнимать тепло у тела и...

И его глаза тут же распахиваются. Что он сейчас услышал?

Едва-едва, какое-то мгновение, сквозь завывания ветра – но услышал? Тоненький, совсем детский, всхлип. Тот, что десятки и сотни раз звучал возле него, на его руках и в бесконечных, кошмарных снах! Мужчина упирается локтями в поверхность под собой. Тело стонет от этих попыток, нога же, едва зажившая, вопит, но какая, к чертовой матери, нога, что такое – эта нога? Что она такое, когда там, у края, всхлипывает его дочь?

Плачет, привычно сморщив маленький носик-кнопку, ждет, чтобы он поднял ее на руки, утер мокрые дорожки слез, прижал к себе, крепко-крепко... Разве есть теперь на свете что-то, способное стать препятствием на пути к этим объятиям? Точно не здравый смысл и простое понимание: дочери там нет и быть не может.

Кряхтя и постанывая, мужчина преодолевает отделяющие его от края несколько метров, подается вперед, вцепившись в шифер. И застывает.

Первое, что он видит – кровь. Не ту, что преследует его во снах и видениях, нет. Такая кровь осязаема, течет по бледной коже, даже белой, не бледной. Оттого та будто горит, такая яркая.

Каким-то полуметром ниже его рук, у самой стены – мальчишка. Накрепко схватившийся в железку, что торчит у стены.

Лица его мужчине не видно. Ему вообще мало что видно, помимо тонких длинных пальцев, изрезанных об острый металл. Истекающих кровью и делающих железку скользкой.

Но мальчишка не скользит. Он вообще не шевелится. Темно-русые волосы, которые треплет ветер, окрашиваются в красный – капля за каплей, окрашивается тонкая шея. А голова уронена на грудь, как у тряпичной куклы.

Мужчина смотрит на мальчика, который минуту назад собрал последние силы для громкого вопля, и не может заставить себя пошевелиться. Рассудок, заторможенный горой обезболивающих, не может дать мышцам нужную команду и только прокручивает в голове бестолковое: «Ее здесь нет. Дочери. Нет. Нет...»

Очередная багровая капля стекает по белому пальцу. Летит вниз, впитывается в синюю ткань мальчишней ветровки.

И оказывается самой тяжелой из всех. Потому что после ее приземления рука ребенка, ослабев, разжимается

А следующих мгновений мужчина не помнит. Порой память жалеет нас, прячет подальше образы, бесконечно прокручивая которые человек медленно сходит с ума. А порой стирает то, что не приносило вреда, позволяя чему-то другому, более страшному, стать частью жизни. Память непонятна и странна... И потому в голове мужчины нет того, как он упал на живот, схватился левой рукой за отставший от крыши шифер, а другой – за тонкое запястье. Как он дернул на себя чуть ли не по наитию пойманную руку, вскочил на ноги под странный хруст и забыл, как дышать, упав на спину. Он не видел, не слышал. Он приходит в себя, откашливаясь.

Видит небо – серое, под стать раскинувшемуся под ним Новоалтайску. Слышит свист ветра. Над ним – грозовая туча, которой никогда не разродится снегом... Он лежит, не решаясь двинуться, вдохнуть. Громко кашляет – легкие требуют вернуть то, что отняло падение на спину – приподнимает голову, фокусирует взгляд на дрожащем теле, которое держит на руках. А в ушах у него, помимо завывания ветра, стоит хруст ткани, непонятно откуда взявшийся. Но он нем – мужчина в мгновение забыл. Потому что под его ладонями – тонкая ткань ветровки. А перед глазами – истерично вздрагивающий ребенок.

Быстрый вдох, резкий выдох. Мальчик смотрит на покрытые кровью ладони так, будто вместо ладоней у него – обрубки. Мужчина аккуратно берет ребенка за плечи, пачкая ветровку его же кровью. Тот не отвлекается, продолжая гипнотизировать раны на руках. Разевает рот, отчаянно глотая воздух.

Пристальный взгляд выцветших глаз. Пара щелчков пальцами перед мальчишым носом.

— Слышишь меня?

Он не слышит. А если и слышит – не понимает. И продолжает дрожать, глядя на... Руки. Теперь мужчине ясно. Мальчишка смотрит на кровь – и проживает все снова, сначала. Прямо как он сам.

Он берет скуластое лицо в ладони и требует:

— Смотри на меня.

Мальчишке будто бы очень тяжело сфокусировать взгляд на чем-то одном. Дрожа всем телом, он озирается по сторонам, как испуганный зверек. Мужчина же, на удивление спокоен – может, потому, что сил на эмоции просто не осталось. Он ждет, пока бегающий взгляд остановится на нем, и произносит – так спокойно, как может:

– Все хорошо. Ты в безопасности.

Зрительный контакт длился одно мгновение, два, три... До слуха мужчины доносится ритмичный стук – стук зубов о зубы. И он вновь едва не валится на спину, когда мальчишка, изменившись в лице, утыкается в его пальто. Нога, задетая ребенком, снова вспыхивает болью, но вопли боли тут же заглушаются – громким, детским воем.

Мальчишка рыдает так, как может рыдать только снятый в последнее мгновение с края крыши, не пытаясь размазать текущие по щекам слезы, вовсе не замечая слез. Мужчина же держит на коленях рыдающего мальчишку как пассажир на вокзале держит сумку, дабы не

потерять. Шепчет туда, где, вроде как, мальчишье ухо, свое: «Тихо, тихо», потому что так подсказывает логика. Прижимает к себе дрожащее, теплое тело, потому что оно – маленькое, а он – родитель. Был им

И смотрит поверх лохматой макушки – вдаль, где над крышами Алтайки солнце прочертило бледную полоску. Рассвет.

Мужчина, вновь впавший в оцепенение, уже не здесь. Не здесь и тот, кто шепчет, прижимает. И тот, кто успел спасти – не здесь. Потому что спасший и убивший – порознь. Потому что мало понять: тебя простили, нужно простить самому. Чтобы осознать: сейчас ты успел. Чтобы меняться в лице, когда вырываешь мальчишек из пасти смерти и замечать, когда их рыдание на твоей груди затихает.

Мужчина, опустивший взгляд от последнего из них, вдруг понимает: тонкие запястья, вцепившиеся в пальто, обмякли.

Будто сквозь белесую пелену, он смотрит в бледное лицо, на посиневшие губы – и не видит их. А увидев, не задействует ни единую мышцу лица. Только констатирует про себя: мальчишка в отключке. И, кажется, замерзает.

Бегло осматривает его. «Ну конечно, замерзает. В одной толстовке то»

Двигаясь как в полусне, снимает пальто, заворачивает в него обмякшее тело. Громко вздохнув и покрепче стиснув зубы, встает на ноги

И только за пару сотен метров до больницы к нему приходит осознание: на его руках – живой ребенок. *Покаживой.*

* * *

Когда он врывается в приемные покои, все присутствующие шарахаются от него, как от умалишенного. Таким он и выглядит: колтун из давненько не мытых волос на голове, изрядная растительность на лице, бешеные глаза (которые в ту минуту никто бы не назвал выцветшими), черт знает чем испачканные брюки... и рубашка. Только рубашка. В октябре месяце! Зато в руках пальто... Окровавленное. — Сестра! Врачи! Кто-нибудь! — вопит он, бегая от одной двери к другой.

В регистратуре приоткрывается окошко, и мужчина бросается к нему.

— У меня тут ребенок, раненый, в крови! — В ответ – тишина. Которая длится не дольше пары секунд, но ему и этого хватает, чтобы завопить: — Вы меня слышите, нет?! Он в крови! — Господи... — лепечет показавшаяся из двери регистратуры женщина, не видя мальчишку, зато наблюдая того, кто держит его на руках. Мужчина и думать забыл, что в крови здесь не только ребенок. Он тоже в крови. В крови ребенка. — На кушетку кладите, живо! — распорядилась сестра, что успела взять себя в руки быстрее регистраторши, забежала в какую-то дверь и вернулась оттуда уже с доктором.

В голове с проседью что-то шелкает – перед ним мальчишьи ладони. В горле что-то закатало, руки начали зудеть, а в голове волчком закрутилась одно замечание. Довольно неуместное:

«Ну и тощие же у него руки»

— Целый? — звучит вопрос от запыхавшейся медсестры

Свое «да» мужчина произносит как-то странно, будто проглатывая. Не до конца уверенный, упоминать ли изрезанные ладони.

Упоминать не приходится. Другая медсестра, молоденькая практикантка, все видит сама и судорожно втягивает воздух сквозь зубы. Но среагировать не успевает, рядом оказывается доктор.

— Пульс? — шамкает он с таким тоном, будто к нему лично каждое утро привозят таких вот мальчишек.

— Сорок два — чеканит девушка

— Сколько без сознания?

Молчание. Секунда, две

— Сколько без сознания?!

Мужчина вздрагивает. Ему и в голову не пришло, что вопрос задавали ему.

— М-гм, г-где-то Минут десять.

— В реанимационную, быстро!

Мгновенно взбодрившийся доктор катит кушетку по коридору, к нему на помощь бежит санитар. Усилием двух мужчин каталка летит по коридору со скоростью пули.

— Реанимационный набор! — крик разносится по всему этажу, отражаясь от стен. Мужчины слышат его отдаленно, будто из-под воды и смутно понимает: так быть не должно.

Полчаса на путь до пятиэтажки, пятнадцать минут — на то, чтобы оказаться здесь. И только один вопрос: что дальше? Этот вопрос мужчина задать себе не в состоянии. А вместо пустого молчания вдруг, сам того не ожидая, выдает:

— А с ладонями что?

И понимает: в коридоре он — не один. Девушка-практикантка застыла при виде мальчишки точь-в-точь, как он, придя в себя мгновением раньше

— От ладоней не умирают, с ними потом...

Узкие ладони с тонкими запястьями одергивают больничный халат. Девушка не знает, куда деть руки. Она, в отличие от застывшего в ступоре бородача, не имела право на растерянность

— Кровью не истек, переохладение вот серьезное.

Этих слов мужчина не слышит. Слово «умирают» заглушило их. Какое-то оно... Неправильное.

Как и там, на крыше, в реальность его возвращает тишина. Теперь она царит в приемных покоях, ведь вряд ли кому-то хочется шуметь, находясь в одном помещении с окровавленным бородачом. На него смотрят не отрываясь. Молча. Нужно уходить. И побыстрее.

— Я извиняюсь... М—мужчина? Он оглядывается. Регистраторша. — Я уже ухожу — Нет-нет, подождите. Мне необходимо взять у вас кое-какие данные. Женщина прошла за дверь регистратуры и открыла блокнот.

— Зачем? — прозвучал вопрос. Накрашенные брови подскочили на немолодом лице. — Как это — зачем? А на кого мне регистрировать ребенка? Тут уже взмыли ввысь мужские брови, ненакрашенные — Это не мой ребенок. — Не ваш? Он мотнул головой — Не мой. Я его просто... я ему просто помог.

Женщина нетерпеливо стучит пальцами по столу. — Значит, еще раз поможете. Вам все равно еще с полицией разговаривать.

Мужчина уставился на медсестру, а потом распахнул глаза, в понимании. Разумеется, его просто так отсюда не выпустят. Он приволок в больницу истекающего кровью ребенка!

В больницу, о которой хотел бы забыть и не вспоминать больше никогда. Потому что и так провел здесь слишком много времени

— Мужчина?

Он опирается спиной на стену, хватается руками за спинки сидений в коридоре. Он совсем забыл, куда приволок мальчишку. И теперь ему придется сидеть здесь, долго сидеть.

— Мужчина!

— Д-давайте — чувствуя, как начинает колотиться сердце, он опустил на сидение, — Давайте я сам приду в участок? Давайте прямо сейчас вызовем полицию и меня заберут? Я не хочу здесь находиться! Не хочу!

На мгновение смешавшаяся медсестра наконец все поняла.

— Мужчина, успокойтесь.

— Я не останусь здесь. ВЫ меня не оставите!

Преисполненный решимости, мужчина встает на ноги. Медсестра подбегает к нему, но путь не перегораживает – вид мужчины внушает ей страх. Пошатываясь и покрепче стиснув зубы, он движется к двери, протягивает к ней руку И застывает. Сжатые как в спазме пальцы удерживают какую-то ткань. Джинсовую ткань. Ветровка мальчишки. Как он не заметил, что взял ее?

— Вам нужно присесть, — не спуская настороженного взгляда, медсестра берет его за локоть, — Присядьте.

Он ослабляет хватку. Смятая ткань распрямляется в его руке и по первому этажу прокачивается всеобщий вдох. Ветровка пропитана кровью.

Не глядя, мужчина роняет ее. Белая больничная стена расплывается перед ним пеленой тумана.

А в ушах раздается:

— Каталку!

Глава 2

«Вот эти идут параллельно, будто линейкой чертили - короткие и самые ровные. А та, длинная, их пересекает, даже не так – пресекает, потому что на ней обе прерываются. От одного угла к другому тянется и на пути к углу собирает те, что поменьше. Получается паутина, прямо посередине. Интересно...»

Никогда, ни в каком сонном бреду, мужчина не мог представить себе такое: он битый час пялится в потолок, рассматривая трещины на штукатурке, и, вот тебе на, находит это интересным. Странная, все-таки, штука циркулирует по его венам

И впрямь, что внутри этой капельницы? Он мало понимает в таких вещах, но разве болеутоляющее или какие-нибудь витамины превращают мозг человека в вату? Вряд ли.

Но даже если в башку напихали ваты, не плевать ли ему? После месяцев ночных кошмаров у него язык не поворачивается назвать эту пустоту, в которой парят мысли о трещинах на потолке, неприятной. Слишком сладостна эта тишина, это спокойствие Эта мысль что он способен лежать в полусне в месте, где в последний раз видел живыми самых дорогих его сердцу людей, и не смотреть на потоки крови, что расплываются по стенам.

Воспоминание всколыхнуло что-то в его душе, однако не причинило боли. Да, препарат явно мощный. И, хотя мужчина понимает, что Оля материла бы его за это последними словами, он решает: надо уходить. Надо встать, выписаться отсюда, поговорить с ментами о пацане, которого нашел на крыше, вернуться в квартиру А там он уже найдет способ завершить начатое. Только уже без крыш. Одного раза хватило.

«Вы же простили меня, девочки?» — спрашивает он у трещин на потолке. И они ему, по-видимому, отвечают, потому что на лице мужчины мелькает улыбка, — «Я знал. Не переживайте. Мы скоро с вами увидимся»

Стараясь не делать резких движений, мужчина поднимает руку, в которую воткнута игла капельницы. Как больно было какие-то сутки назад, когда он, чудом не падая, поднимался на крышу пятиэтажки! Болела не нога, не голова – болела сама его сущность. Теперь же он может общаться с Олей и со Светой, не чувствуя, как его рвет напополам клещами. Чудесная капельница! И как же хреново будет потом, без нее.

Ему надоело рассматривать потолок и веки сами собой опустились. Он не должен быть здесь. Его место – там, с женой и дочерью, где бы ни было это «там». Ведь его простили! Вчера они пришли к нему впервые за два месяца, а значит, он прощен! Нужно только встать и

Но сами мысли о том, чтобы встать, кажутся неподъемными.

«Может судьба, все же, сжалится? Позволит уйти, не вставая?»

Взгляд выцветших глаз снова направлен вверх – к капельнице. Что должно быть налито в ней, чтобы он сегодня же встретился со своей семьей? А вдруг это не обязательно? Вдруг разницы и нет?

Арсению вдруг вспомнился кадр из фильма: больной лежит под капельницей, к нему подходит «благодетель» со шприцом в руке Пустым шприцом. И медленно протыкает небольшую дырочку в прозрачной трубке.

«Пузырек воздуха» — догадывается мужчина, — «Нужен всего лишь пузырек воздуха!»

А если просто прокусить трубку?

Перед Арсением тут же встает картина: в его палату заходит доктор и видит, как он жуёт трубку капельницы. В следующем кадре, мужчина уже не лежит на кровати. Он привязан к ней, как особо буйный.

«Должен быть способ» — напряженно думает мужчина, — «Обязан быть»

— Здравствуйте?

От неожиданности, он вздрагивает. Рассматривая трубку капельницы и размышляя о не самых радужных вещах, мужчина и думать забыл про дверь в палату, из-за которой теперь выглядывает медсестра.

— Здравствуйте, — отвечает он, еле выдавив из себя приветствие. Подумать только, какое-то время назад он вопил, как резаный!

— Не будете против, если я поговорю с вами?

Разговаривать – последнее, что он желает делать. Однако же, может предугадать тему разговора, а потому понимает, что откладывать ее бессмысленно.

Только вот сил разговаривать по-прежнему, нет.

— Говорите.

— Прекрасно.

Девушка берет стул и садится у изголовья кровати. На вид ей – лет двадцать, не больше, но вид настолько собранный, что мужчине ясно: парой слов он не отделается.

— Давайте вы, для начала, все-таки скажете, как вас зовут? — медсестра пытается выдавить на лице улыбку, — А то вас прервали некоторые обстоятельства.

Мужчина снова закрывает глаза. Он хотел тишины, пожизненной тишины, для того и пришел на крышу. Похоже, считать, что жизнь обошлась с ним милостиво, подсунув его под капельницу, было преждевременно. Он на привязи, ему не сбежать.

— Арсений, — хрипит мужчина. Все-таки, вопли взяли свое, — Арсений Шумилов.

— Отчество?

— Константинович.

— Вы же знаете, что дела у вас так себе, да?

Глаза мужчины невольно приоткрываются. Не то, чтобы его волновали болячки, хоть у него их и много, просто медсестра даже не попыталась аккуратно начать разговор. Может, все настолько «так себе», что его желание «уйти, не вставая» исполнится?

— Недовес на грани дистрофии, обезвоживание, общее истощение. А уж что с вашей ногой, я вообще молчу.

Арсений невольно вздергивает брови. Естественно, он знал обо всем этом, а если и не знал – догадывался. Но неужели молодая медсестра настолько молодая, чтобы не понять, глядя на него, одной простой вещи: ему уже два месяца как плевать?

— Я вас понял, — хрипит мужчина, — Это все?

Этого мало, чтобы уйти. Значит, сначала нужно уйти *отсюда*.

— Пока все, — кивает девушка, — У вас взяли кровь на анализ. Нужно будет еще сдать мочу и...

Полные тоски глаза Арсения заставили сердце медсестры сжаться. Но их проникновенный взгляд она истолковала по-своему.

— Быстро можно только убить – не вылечить, — нахмурилась девушка, — Чуть больше терпения.

Наступило молчание. Медсестра что-то старательно пишет в своем блокноте, стараясь не замечать, что взгляд мужчины все больше пустеет.

— Как там мальчик?

Девушка перестала водить ручкой по бумаге и пристально посмотрела в голубые глаза. Она не смогла заметить, что этот вопрос застал врасплох не только ее. Арсений был уверен, что и думать забыл о мальчишке.

— Мальчик? Мальчик, он, знаете

Стараясь скрыть волнение, она стиснула пальцами ручку. До состояния, когда обычно слышится треск.

— Можно считать, что он в порядке. Очнулся, уже встает, разговаривает.

Даже выцветшими, заплаканными глазами Арсений не мог не заметить: что-то в поведении медсестры не так.

— Но вы не считаете, что он в порядке, да? — хрипит он.

Блокнот громко захлопывается. Теперь мужчина ожидает, что девушка сорвется на крик или просто на резкое слово, но ее голос, напротив, становится только тише.

— Не только я, Арсений Константинович. Все, кто заходит к нему в палату. Но показатели у него в норме!

Арсений не задает следующий вопрос - надеется, что и так услышит ответ. И слышит его.

— Я вам соврала. Ненамеренно случайно. Мальчик может разговаривать, но не разговаривает.

В палате повисает тишина. Потому, что Арсения тоже можно отнести к тем, кто может говорить, но не разговаривает, и из-за медсестры, которая все равно ждет от него ответа.

Но ждет зря. Потому что мужчина понятия не имеет, что сказать.

— Мы не просто так зовем его «мальчиком», — продолжает девушка, — Мы не знаем его имени. В подразделении по делам несовершеннолетних он не числится, данных о его ДНК в базе нет, установление личности ведется А он сам – молчком.

— Вы же сказали что он разговаривает?

— Да! — кивает медсестра, — Разговаривает. Сказал одну фразу – и замолчал. Теперь ни слова не можем выудить.

В ответ на это девушка слышит тишину. Арсений отвел взгляд к потолку.

— Не скажете кем вы ему приходитесь?

— Никем.

— То есть?

— То есть, никем. Случайный человек. Оказался рядом.

Медсестра раздраженно поджимает губы, однако открывает блокнот и старательно записывает.

— Где вы оказались рядом, Арсений Константинович?

В ответ мужчина снова прикрывает глаза. Умом он понимает: в этой палате звучат действительно важные вопросы, но боже мой! Где найти силы, чтобы на них ответить?

— Вы поймите, это не допрос, — терпеливо объясняет девушка, — Это перечень вопросов, которые мы задаем всем.

— На крыше. Я нашел его на крыше.

Каким будет следующий вопрос, догадаться не сложно, не каждый пациент шастает по крышам в пять часов утра! А объяснять, что он там делал, Арсению не хочется ни девушке, ни полиции. Но кто бы оставил ему выбор?

— Вы знаете, что он там делал? — слышит мужчина. И он вынужден признать: этот вопрос он не предугадал. Более того...

Он ведь действительно не имеет понятия, что мальчишка делал на крыше!

— Не знаю.

— Не знаете?

— Нет, не знаю. Я не вру вам, — Арсений еще раз вздыхает и держится за горло. Глотание тоже причиняет боль, — Мальчика я увидел уже чуть не упавшего, державшегося за какую-то железку, которая торчала из стены.

— Кошмар

— Я вернул его на крышу, укутал в пальто и принес сюда. Больше мне вам сказать нечего и, я прошу вас...

Арсений снова перевел взгляд в потолок.

— Давайте закончим этот разговор? Мне сейчас ну тяжело говорить.

Тонкие женские пальцы стиснули ручку. Девушка посмотрела ему в глаза – глубоко, почти в самую душу, и, по-видимому, хотела что-то сказать. Но произнесла только:

— Да. Конечно. Закончим.

И поднялась со стула. Затем легким жестом поправила халат и, кивнув на прощание, пошла к двери. Арсений не проводил ее взглядом. Единственное, чего он сейчас желал – уснуть. Замечательно, если навсегда.

А потому он вдвойне удивился, когда, ни с того, ни с сего, спросил у спины медсестры:

— Что он сказал?

— М-м?

— Вы говорили, — болезненно сглотнул Арсений, — Про какую-то фразу: одну, которую он произнес. Что он сказал?

— Верите, нет, — проговорила она, — Изначально я шла сюда именно для того, чтобы передать вам эту фразу. Но сейчас я подумала. Знаете, я бы назвала ее потом, как вы чуть-чуть придете в себя.

— Почему?

— Вы можете перенапрячься, захотеть встать. А вставать вам нельзя, уж теперь я убедилась.

Арсения одолело странное чувство. Вряд ли он сейчас способен любопытствовать, скорее это было подсознательное желание найти то, что от него спрятали. Что-то, очевидно, важное, необходимое для того, чтобы поскорее уйти отсюда.

— Послушайте — Арсений закашлялся. Кашлем курильщика, хотя не брал в рот ни одной сигареты, вот уже двадцать лет.

— Помолчите лучше. Говорить вам явно вредно.

Но мужчина не замолчал.

— Вы говорите, что я могу перенапрячься. Но поймите, я уже напрягся, когда узнал, что от меня что-то скрывают. Да и...

На этот раз, он не закашлялся. Просто замолчал.

— Посмотрите на меня, — голос снова стал хриплым, — Сами же сказали, что дела мои плохи. Разве может быть хуже?

— Не знаю. И не очень-то хочу проверять.

Девушка развернулась и положила пальцы на дверную ручку.

— Простите, что рассказала о мальчике, — бросила она через плечо, — Вам это сейчас явно не на пользу, могла бы и сразу понять. Простите.

— Да скажите вы мне уже, что за фраза! — практически закричал мужчина. Хрипота сделала громкий голос надрывным, — Неужели вы думаете, что сделаете хуже?

Медсестра застыла, у самой двери. Взгляд мужчины скользнул чуть ниже ее тонкого лица и тот увидел, как на белом халате девушки блеснул именной бейдж.

— Дело-то, наверняка, не во мне, — продолжил Арсений, уже куда тише, — Ну, согласитесь, Ирина, вы думаете, как помочь мальчику, найти его родных? Так и зачем же жалеть *меня*, когда нужно спасти ребенка?

Чуть повернув голову, девушка нерешительно провела пальцами по дверной ручке. Затем нажала на нее и приоткрыла дверь, намереваясь уйти. Но Арсений уже успел понять, по одному только повороту головы: его слова про ребенка стали решающими.

Медсестра оглянулась:

— Он сказал, что хочет вас видеть.

Глава 3

— Ну, осторожнее, — сдержанно выдает женщина, — Тише, вы! Вам точно можно к ребенку?

— Мне так сказали, что можно.

Когда этот странный мужчина шел за ней по коридорам первого этажа и полными ужаса глазами разглядывал свежевыкрашенные стены, она ограничилась настороженным взглядом. Но когда он, съежившийся и напуганный, вдруг обогнал ее и едва не влетел в инвалидную коляску (благо, пустую), она, на всякий случай, решила уточнить:

— С вами все в порядке?

«Несется как на пожар... А говорили, не его ребенок!»

— Д-да, все нормально, — отвечает он и пытается улыбнуться. Самой странной улыбкой, которую женщина видела. Обычно такие сооружает патологоанатом.

А у Арсения и вправду все нормально. Капельница вдохнула в него чуточку сил, позволила шевелить ногами, пусть и на костылях, даже дала вспомнить, какие мышцы лица надо напрягать, чтобы улыбнуться. Одно она ему не позволила – забыть, где он находится.

Здесь он спал, когда валился от бессонницы, здесь он впихивал в себя еду, чтобы не умереть с голоду. Здесь к нему, избегая взгляда посеревших от слез глаз, вышел из реанимационной врач. Чтобы уничтожить своим: «Примите мои соболезнования»

И здесь Арсений бродил, шарахаясь от окровавленных стен, в своих ночных кошмарах.

Регистратуру, где никогда не бывает до стерильного чисто, а потому она «не такая больничная», он еще смог вынести. Но чем дальше, чем насыщеннее запах хлорки...

«О чем они вообще думают – пускать такого к ребенку?» – проносится в голове старшей медсестры, пока она, взяв мужчину за плечи, направляет его в нужный поворот по коридору.

«Оставить его одного, с подростком... Кошмар! Ну, Иришка, за такие эксперименты я тебе устрой!»

Они сворачивают за угол и... Арсений столбенеет.

— «Не туда. Боже, только не туда. Не этот коридор...»

— Арсений Константинович?

Мужчина замирает в ступоре, не в силах сдвинуться ни на шаг. В конце этого коридора – реанимационная.

— С вами точно все в порядке?

«Я же не дойду. Рухну – и не встану»

Прямо напротив двери, откуда вышел доктор, после слов которого Арсений впервые в жизни потерял сознание, стоит скамья – та, на которой он переживал свои самые долгие в жизни минуты – и мужчина, замерев в десяти метрах от пластиковой сидушки, не смеет приблизиться к ней ни на шаг.

— Арсений?!

— А?

— Вы бы не ходили к мальчику, пока...

«Не вернете на место съехавшую черепицу!»

— Не придете в себя. Может, присядете?

Нет! — наотрез отказывается мужчина. Так громко, что и сам вздрагивает.

Еще там, в его палате, Арсения охватило странное беспокойство. Странное потому, что мысли мужчины впервые занял кто-то, помимо погибших, а за два месяца он уже успел изрядно от этого отвыкнуть. Образ тощего, вихрастого мальчишки, лица которого Арсений не мог припомнить, как ни старался, всплыл не в голове, а на руках, точнее – на пальцах, на ладонях. Вес

тела, который совсем не почувствовался, почему-то шершавая толстовка и... жизнь. В теле, укутанном в пальто мужчины, билось сердце.

Вопреки всему – ледяному ветру, глупому, ребяческому поступку – оно билось. И бьется до сих пор из-за него, из-за Арсения, который вовремя оказался рядом.

Если он сейчас не придет к мальчишке, это будет равняться убийству. Ясно, как день, что ребенок делал на крыше, пусть Арсений и не рассказал об этом медсестре. От счастья на крышу не ходят, в пять утра – точно. Что если парень решил поговорить с товарищем по несчастью?

Что, если Арсений ему сейчас нужен? Разве можно при таком раскладе просто усесться на скамейку?

Мужчина переводит взгляд на медсестру, и видит, как та отступила на шаг, напуганная.

— Извините, — нервно сглотнув, он встречается с ней взглядом — Я здесь... У меня семья здесь... после аварии...

Мысли о мальчишке тут же расплываются, рассеиваются в тумане. Уничтожающее безвозвратностью слово встает поперек горла, напрочь перекрыв кислород.

Больничный коридор немедленно расплывается, ненастоящий, и раскидывается по сторонам широким шоссе.

Чудовищный шум в ушах. Черный дым. И кровь, конечно, кровь. На каштановых прядях.

По коридору разносится глухой стук – один из костылей упал на пол.

— Тихо, тихо! О Господи, Арсений! Смотрите на меня, на меня смотрите, слышите?!

Он слышит. И, чудом не скользнув на пол, стоит – белый, как его спасительница-стена.

— Дышите! Давайте, со мной: вдох-выдох, вдох-выдох!

Не сказать, что пропитанный хлоркой воздух коридора пошел ему на пользу, но после пары вдохов и выдохов мужчине удается убрать руку с опоры, снова вцепиться в костыль. И даже получается остаться на месте, когда женщина пытается подвести его к одному из стульев в коридоре.

— Н-нет, нет. Пойдемте лучше к мальчику.

У медсестры вытягивается лицо.

— Вы себя вообще видели? Сядьте на стул, отдышитесь, а потом я вас провожу!

— Я уже в норме. Пожалуйста, отведите меня...

— Шумилов!

Арсений вздрагивает, округлив глаза. И женщина, наблюдая за его реакцией из-под черной, крашеной челки, произносит:

— Я вас, кажется, уже здесь наблюдала, да? Весь сентябрь слушала, как в больнице говорили о каком-то «постояльце», который за час до открытия уже у окон, а вечером его дежурная медсестра до двери провожает. Лично не видела, зато наслушалась достаточно... И тут вы про аварию говорите...

Она снова берет мужчину за плечи и смотрит прямо в глаза.

— Вы же не хотите навредить мальчику? Представьте, что будет, если в обморок упадете, прямо перед ним?

Арсений смотрит в глаза цвета неба над Новоалтайском и улыбается. Вымучено, устало. Но уже не улыбкой трупа.

— На вас когда-нибудь плескали кислотой? – и, не дожидаясь, пока в глазах напротив покажется замешательство, добавляет: — Я здесь по горло в кислоте.

Медсестра отпускает его плечи и всматривается в лицо. Недолго, ведь даже ей, стреляной птице, трудно выдержать взгляд побывавшего в аду.

– Пожалуйста. Дайте мне сделать, что нужно, и навсегда уйти отсюда. Хотите, пойдем мимо реанимационной, мимо скамьи, как угодно. Только, пожалуйста, быстрее.

Медсестра вновь поднимает глаза. Смотрит устало, но понимающе. И вздыхает:

– Нам не нужно туда. Палата мальчика – через две двери.

* * *

Первое, что видит Арсений, когда женщина открывает дверь в палату – груда барахла в углу. Сломанная кровать без ножек и пара инвалидных колясок, увенчанные сверху кипой одеял, не очень-то чистых.

Не понимая и, видимо, выражая взглядом недовольство, он оборачивается к сестре. А та, слегка смущенная, комментирует:

– Если б что-то от меня зависело... В соседней палате проблемы с проводкой, оттуда всех переместили на второй, а его не успели еще, сюда заселили. Завтра в четырехместную отвезем, пусть пока наслаждается одиночеством. Здесь это явление редкое. Вон, – она указала на окно толстым, коротким пальцем, – Даже решетки нет, у единственного на этаже. Терпеть не могу решетки эти...

В эту секунду Арсений перестает ее слышать. Все его внимание приковано к кровати, где на фоне белых простыни и одеяла он замечает уже знакомую копну волос. Разумеется, не причесанных.

Укутали мальчишку будь здоров – только и видно, что колтун на голове. Оно и правильно, после переохладения и забегов по крышам – спать, спать и спать. Лампу на потолке бы еще погасить

— А свет почему горит? — спрашивает мужчина, понизив голос.

— Пасмурно, — отвечает медсестра, и не думая говорить тише, — Темно без света.

— Но ведь он — Арсений, не понимая, машет рукой в сторону спящего мальчишки и встречается с ним взглядом.

— Думали, спит? — медсестра улыбается, — Ага, как бы не так. Он, вон, неугомонный.

Снова Арсений ее не слышит. Глядя в мальчишки глаза, выражающие спокойствие, он видит другой взгляд, полный животного ужаса. Все, как на ладони: пережитый кошмар, боль, паника. И, наконец, вопль – да, именно вопль - облегчения.

Но то было сегодня утром, а сейчас его глаза пусты. Не совсем, (пустые бы не смотрели на него так пристально), но кажутся таковыми, потому что глядят отстраненно. И в них – ни капли сонливости.

Похоже, пацан ждал их прихода.

— Здравствуйте, — долетает до Арсения откуда-то из-под одеяла — так тихо, будто оно весит тонну.

— Здравствуй, — отзывается он эхом.

Гляделки мужчины и мальчишки длятся мгновенье, другое - и Арсений проигрывает. Бросает взгляд ниже – туда, где под одеялом прячутся мальчишки руки. Одеяла он не видит, перед ним - длинные пальцы, изрезанные и кровоточащие. Окрашивающие серое пальто красным.

«Что же, все-таки, с ладонями-то?» — думает он.

Мальчишка будто услышал его - одеяло приходит в движение. Наружу выныривают руки – тонкие, как два прута, но целые, и запястья, на совесть обмотанные бинтом. Кое-где покрасневшим и довольно устрашающим, на фоне белого пододеяльника.

Представлять, что под бинтом, мужчина не хочет. Ему и не надо – все стоит перед глазами. Интересно, можно ли понять по лицу, в каком он пребывает шоке?

— Вот — начинает медсестра, которая поняла, что ей придется прерывать затянувшееся молчание, — Это – Арсений Константинович. Ты его хотел видеть.

Тишина. Ни звука из-под одеяла. Мужчина ждет минуту, две, а потом многозначительно разворачивается к медсестре. Должна же она понять, что при ней подросток не скажет ни слова?

По ее взгляду Арсению ясно: до нее это давным-давно дошло, и здесь она остается по другой причине. Только вот выяснять эту причину ему чуть-чуть недосуг: действие спасительницы-капельницы стремительно заканчивается.

— Вы не выйдете на минуту-две?

Он еле успевает увернуться от внезапного взмаха. Хоть махали не ему и не по нему.

— Не делайте из меня дуру, — медсестра еле сдерживается от того, чтобы снова дернуть рукой. Но говорить умудряется так спокойно и тихо, что слышно только мужчине, — Конечно, я понимаю, что мне тут делать нечего, не со мной он хотел разговаривать. Но...

— Вы хотите знать его имя, или нет?

— Да — Девушка кивает, переминается с ноги на ногу, — Только вот вам может стать хуже. И мальчику. А если обоим одновременно, и меня не будет рядом?

Голова медленно и неумолимо начинает гудеть. Арсений морщится, заталкивая поглубже болезненное мычание. Такими темпами ему вообще не выбраться отсюда.

— Уйдите, пожалуйста. Пять минут. Потом войдете. Согласны?

По-девчоночьи закусив губу, медсестра тяжело вздыхает, отчего по палате разносится свистящий вздох.

— Да.

— Прекрасно. Уйдите.

Просить в третий раз ему, на удивление, не пришлось: девушка тут же вышла и прикрыла за собой дверь, шепнув напоследок:

— Я здесь, если что.

Но ее уже никто не услышал. Звуки коридора всколыхнули воздух — и пропали, двери в палату оказались на удивление плотными. Арсений, для верности, дернул за ручку, и повернулся к кровати.

В его животе что-то неприятно всколыхнулось.

— Не против, если я сяду? — спрашивает мужчина, то ли у мальчишки, то ли у вороха одеял на кровати, — Тяжело.

Ответом ему служит все то же молчание: и словесное, и телесное. Мальчишка умудряется смотреть на него, не моргая.

«Вот лупоглазый то»

— Не говори, если тяжело. Но извиняй: стоять уже ни в какую.

Отложив костыли, Арсений стискивает зубы и осторожно опускается на край кровати. Под руку ему попадает что-то твердое и неподвижное, на что он опирается, пока садится, и только потом, подняв взгляд на мальчишку, понимает: он надавил парню на ногу.

— Прости, — просит мужчина, глядя, как сморщилось подростковое лицо, — Я не думал, что ты...

«Такая каланча. Я ж присел на самый краешек кровати, а она длиннющая!»

— Костыли эти — ворча, ему приходится ловить эти самые костыли, которые начали падать, — У меня нога просто... Неважно.

Стук казенных, больничных деревяшек оказывается последним звуком в палате. Поставив их к стене, Арсений откидывается спиной на стену и чувствует, что они с мальчишкой вот-вот утонут в молчании.

Собственно, в том, в чем эта палата тонула и без его присутствия.

«На кой хрен я тебе сдался? — взглядом спросил мужчина у мальчишких, немигающих глаз. Странного цвета — то ли зеленого, то ли карего, — «Собеседник из меня так себе, пацан. А если хочешь объяснения тому, что случилось Я же сам ни черта не понимаю!»

— Слушай — Арсений понимает, что вопрос проигрышный, еще до того, как его произносит, — А какой у тебя вообще рост?

На ответ он и не рассчитывает, просто считает, что ему самому молчать уже не так позволительно. Но получает мужчину больше, чем рассчитывает.

Все еще продолжая молчать, мальчишка приподнимается и, издав парочку стонов боли, садится на кровати.

«Куда? Марш под одеяло!» - почти произносит Арсений, но вовремя замолкает. Слишком часто ему приходилось загонять в кровать шмыгающего носом ребенка.

Арсений подносит руки к лицу и с нажимом протирает глаза. Не время. Сейчас – не время. Сейчас он здесь – не из-за них, не из-за Светы. Сейчас...

Отбросив посторонние мысли, он снова смотрит на больничную койку. Мальчишка сидит, сложив перебинтованные ладони на коленях, слегка ссутулившись и не сводя с мужчины взгляда болотистых глаз. В которых мужчине видно странный блеск.

Однако, его внезапно привлекает другое: темный, приличного размера синяк, заживающий на плече мальчишки. Заживающий очень странно, неравномерно – почти черный посередине и куда светлее по краям. Такое он видит впервые, он – отец девочки, что каждый день приходила домой с новой ссадиной, девочки, которую в школе называют «боевиком».

Называли.

Изо всех сил прогоняя вон неуместные воспоминания, Арсений поднимает взгляд чуть выше мальчишских плеч. На шею.

«Гусиная» - отмечает он. И тут же понимает: нет. Шея у мальчишки самая обычная. А длинной кажется из-за опущенных плеч – худых до невозможного. И больничной рубашке, висящей мешком.

«Могли б и по размеру подобрать»

И снова одна его мысль прерывается другой. Потому что «они» подобрали все верно, что по размеру, что по длине. Просто Не на такие плечи рассчитывают с таким ростом. Койка высокая, взрослая. А мальчишка сидит, касаясь ногами пола.

Как он не заметил, что несет такую каланчу? Хотя...

«Какая каланча? Ветка. Колышек. Кошмар. В нем килограммов пятьдесят-то есть?»

Мальчишка пробует опереться перебинтованными ладонями о кровать и снова дергается, морщась от боли. Сидит молча, не спускает с Арсения взгляд блестящих глаз, который тот не может прочесть, как ни пытается.

Что это за блеск? Слезы боли?

«Ладони все изрезал, до сих пор кровоточат...»

Или, может, страха? Шока? Ужаса?

«Как тут быстро оклемаешься – на высоте пяти этажей висел. И родителей рядом нет. Врачихи, черт бы их побрал. У мальчишки шок, а они, только откачали – и сразу данные им надо. Вот бросится он сейчас мне на шею, заревет, а я и успокоить как следует не смогу... Что еще ему сказать, кроме того, что уже сказал там?»

В голове Арсения проносятся десятки успокаивающих фраз, которые он когда-либо слышал и произносил: объективно обнадеживающих – для коллег, вызывающих глупую улыбку – для приятелей, полных нежности – для Оли со Светой. Но на языке вертится лишь одна, не особо-то утешительная.

— Ты бы залез под одеяло. Пол холодный.

Ни капли сочувствия в голосе – просто дельный совет незнакомцу от незнакомца. Он явно выбрал не тот тон.

Но во взгляде болотистых глаз что-то меняется, что – Арсений понять не успевает. Он вдруг видит, как мальчишка отталкивается руками от кровати, слышит сдавленное мычание – и вот он, перед ним. На расстоянии вытянутой руки.

Еще более длинный и худой, чем казался, пока сидел. Взъерошенный и босой. На ледяном полу!

«Господи, да вы его руки видели?! А ноги, что это за ветки? А бледный какой...»

Шокированный от вида бинта на ладонях - куда более красного вблизи - он позабыл смотреть в глаза их обладателю.

И очень зря.

Какое-то движение. Вспышка. Внезапная темнота, окутавшая все и вся. Ужаснувшись тем, как его на мгновение лишили зрения, Арсений силится открыть глаза. Свет, внезапно, яркий. Щека горит огнем.

— Какого?

Раздается грохот – костыли упали на пол. Рефлекторно прижав ладони к щекам, Арсений не сразу понимает, что произошло.

— Ты...

Фраза застревает в горле, перекрывая новым приступом тошноты. Рука прижаты ко рту; к голове, волна за волной, подкатывает боль. Мужчина различает в пелене перед глазами худое лицо.

И понимает, как сильно ошибся. В глазах подростка блестели не слезы. В них блеснул металл.

* * *

— Больно? — осведомляется мальчишка с, кажется, искренним любопытством.

Даже если б Арсений знал, как ответить, он бы молчал. Ожидая, что будет дальше.

— Ничего, синяков не останется – слышит мужчина сквозь шум в ушах, – Я так только, для галочки.

В коротковатой для него больничной рубашке, мальчишка встал прямо напротив Арсения. По тонкому лицу прошла судорога – боль почувствовал не только мужчина.

— Уж прости, тебе надо было врезать. Как тебя там, Арсений Константинович?

— Ты сдурел? — все, что смог выдавить из себя мужчина, куда-то в ладонь. Приступы тошноты, как и накатывали боли, никуда не делись, он пытается сдерживать себя, как может, но невысказанный вопрос вырывается наружу:

— Ты охренел, малолетка?

— Я-то? — на худом лице не двигается ни единая мышца, — Нет. Это ты охренел. Лезть куда не просят.

Боль накатывает удушливой волной, комната медленно, неумолимо начинает вращаться. Арсений стискивает зубы – не столько от злости на неблагодарного ребенка, сколько ради желания удержать перед глазами хоть что-то из этого сумасшедшего калейдоскопа. Прилетело ему несильно, совсем чуть-чуть, но прилетело по голове. По больной голове.

— Так ты, значит, хотел свалиться? — шипит мужчина, стараясь сфокусировать взгляд на расплывающимся лице.

Болотисто-зеленые глаза темнеют.

— Тебе какая разница, чего я хотел? Тебя кто просил лезть, а?

— Вопли, — на каждой фразе Арсения может вывернуть, выдавливать их ему приходится с трудом, — Ты вопил там, как будто тебя режут, а теперь говоришь...

Прямо перед глазами Арсения пролетает что-то белое, с красным. Перевязанная ладонь.

— Еще захотел?

— ...А теперь говоришь мне что я влез, куда не надо? — дыхание у мужчины становится все тяжелее, — Не вдаришь ты мне! И так еле держишься, чтоб не запищать от боли.

— Захочу – так вдарю, — выпалил парень, изо всех сил стараясь не морщиться, — Уж тебе-то вдарю, не беспокойся. Ты заслужил. Ты все испортил!

Мужчина слышит каждое из слов мальчишки, но они вдруг перестают складываться в что-то осознаваемое - им мешает боль, которая свободно гуляет по всему телу, от груди до бока.

Судорога в животе сигнализирует: его вот-вот вывернет, но рассудок опровергает вопль. Больничные простыни в безопасности. Желудок безбожно пуст.

Когда Арсений ел в последний раз, и что он ел?

Наружу вырывается пара рвотных позывов, после которых тело обмякает, и Арсений внезапно чувствует, как это неплохо – лежать неподвижно. Вспыхнувшая болью голова продолжает ныть, но ему ли привыкать к боли? А инстинкт самосохранения, внезапно подавший голос, одобритительно шепчет: «в этой темноте безопасно».

С окутанными пеленой глазами, пытаюсь бороться со сковавшей его дурнотой, мужчина пробует услышать, что ему говорит мальчишка.

А слышит тишину.

Подросток затих – видимо, надоело общаться с воздухом. А может, ушел? Сбежал?

Арсений находит в себе силы открыть глаза. И, тяжело дыша, оказывается под прицелом болотисто-зеленых глаз. В крапинку.

– Ты хоть понимаешь, что наделал? – холодно произносит мальчишка.

Нет, не понимает. Не находит в себе сил, чтобы понять, чтобы думать – и понимать. Но фраза у него вылетает произвольно, без каких-бы то ни было усилий.

— А ты понимаешь, кому только что врезал?

— Закрой рот! Ты сейчас отдышишься, встанешь и пойдешь. А у меня...

Дрожь в голосе, что еще не успел сломаться, в мгновение ока выдает с потрохами всю наигранность поведения. А потому мальчишка, прервав спектакль, снова испепеляет мужчину металлическим блеском глаз. Мгновенно потускневшим от слез.

— Думаешь, я просто так туда приперся, типа делать мне нечего, пришел, упал - и заорал? Да я ночей не спал, просил, чтобы это закончилось! И оно бы закончилось, один шаг – и все! Если бы не ты!

Дрожащий голос срывается. В истерике,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.